

Русская мысль. - 1995. - Париж. - 11 мая. -

Эпистолярное наследие с.13.

Н.И.Новикова

Мне уже случалось приветствовать на столбах «Русской мысли» (№№ 4043 и 4045) появление в российской печати, несмотря на создавшиеся за последние годы трудные для нее условия материального порядка, таких ценных для культурного соотечественника изданий, как монография о живописце русского леса И.Шишкине или энциклопедический справочник «Санкт-Петербург—Петроград—Ленинград». В настоящее время можно порадоваться выходу в свет (стараниями издательства им.Н.И.Новикова) 167 писем Н.И.Новикова, в значительной мере не публиковавшихся, приуроченному к 250-летию со дня рождения основателя Вольного экономического общества. Составителем и автором обильных комментариев этого вышедшего в прошлом году в Санкт-Петербурге сборника является А.И.Серков, научный сотрудник отдела рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.

Воспроизведенные в хронологическом порядке письма отражают жизнь деятельности Новикова от ноября 1766 до мая 1818 года, то есть от начала его совершеннолетия до кануна смерти. Первое письмо знакомит читателя с недавно обнаружившим вкус к словесным наукам молодым «лейб-гвардии Измайловского полку фурыером» в роли близкого сотрудника типографии Академии наук. Полезно будет заметить в нем, может быть, единственный пример аномалии в орфографии имени автора: не «Новиков», как повелось в следующих, а «Навиков», что неоспоримо оправдывает принятый литературоведами нашего времени обычай произносить его с ударением на третий, а не первый слог: Новиков.

Письма первой половины 70-х годов относятся к его сношениям уже как главы

основанного им в 1766 году общества с Г.В.Козницким, статс-секретарем Екатерины II в роли как бы ее министра по делам культуры, а во второй половине 70-х годов уже указывают на его сближение с франкмасонскими кругами в лице дипломата Я.И.Булгакова. О собственной к ним принадлежности Новикова свидетельствуют письма начавшегося в 1779 г. «московского периода» его книгоиздательской деятельности, перенесшейся с типографии петербургской Академии наук на типографию Московского университета. Восемь писем А.А.Ржевскому, президенту Медицинской коллегии, в 1783 году подымавшемуся по чиновной лестнице к званиям сенатора и тайного советника, величают его «высокопочтенным братом», докладывают о делах розенкрейцеровских лож и пестрят типичными для масонского обихода сокращениями вроде «пе брр» (т.е. «петербургские братья»). Следуют письма другим сообщникам: «высокодостоинейшему начальнику» барону Г.Я.Шредеру, «сиятельнойшему» графу А.Р.Воронцову и др.

Связанное с издательской деятельностью Новикова «Прощение в Московскую контору Св.Синода» показывает, что уже в первой половине 1781 года масонское движение вызывало неприязнь у блюстителей церковного порядка, приведшую их в феврале 1785 года к ряду доносов гражданским властям и даже самой Екатерине II на «секту еретиков и раскольников». После чего начались гонения на розенкрейцеров; отметим наложение по высочайшему указу ее величества печати на книжный магазин их издательства, где хранилось множество опубликованных в значительной мере их старанием школьных учебников и разного рода справочников. Новиков, содержавший при из-

дательстве магазин, оказался, как и его сотрудники, лишенным средств к существованию, о чем свидетельствует его адресованное в марте 1786 года прошение о покровительстве «сиятельному графу» Безбородко.

Уже давно занесенный в «черный список» за идеологическую полемику, Новиков познал долю «козла отпущения» за всю масонскую братию, когда новости из вступившей на революционный путь Франции окончательно насторожили против либерализма императрицу. Екатерина II предала его известному своим садизмом управителю Тайной канцелярии Шешковскому и осудила в августе 1792 года к пятнадцати годам заключения в Шлиссельбургской крепости. Оттуда Новикова освободил бывший с ним одно время в сношениях, интересовавшийся сектой мартинистов Павел I в первый же день своего воцарения в ноябре 1796 года. Претерпев за четыре с половиной года неволи мучения и нужды в самом необходимом, Новиков вышел из темницы на 52-м году жизни «дряхла, стар, согбен» и, не получив права возобновить общественную деятельность, удалился до конца своих дней в родовую подмосковную усадьбу Авдотьино, у единственного принадлежавшего семье села Тихвинское. Начиная с февраля 1797 г. оттуда он писал почти все остальные письма, в первую очередь ставшему видным чиновником младшему собрату А.Ф.Лабзину, дружбе которого он был обязан тайно до него доходившими письмами в пору шлиссельбургского заключения.

Оставшись главным хозяином села Тихвинского, Новиков предался обильной эзотерической, часто нравоучительной в христианском духе корреспонденции с членами розенкрейцеровских орденов, а также заботам о материальных нуждах и просвещении своих крепостных крестьян, дети которых хранили о нем благодарную память до конца прошлого столетия.

БОРИС ЛОССКИЙ

Париж